

Самойлов Давид
(1925)

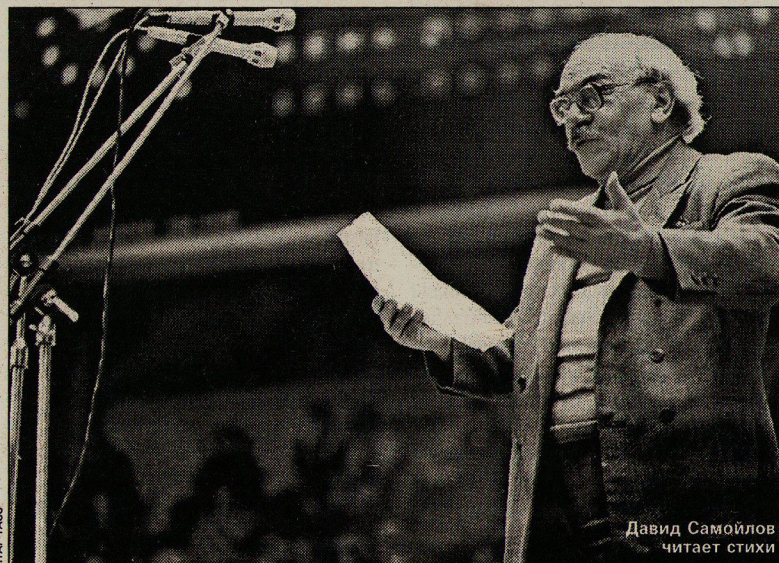
1. 10.02

ДНЕВНИК

Пир парадоксов

Впервые полностью опубликованы
дневники поэта Давида Самойлова

Почему так интересно читать дневник писателя, тем паче любимого? Потому что — пир парадоксов и нестыковок! А сколько криво крученных нитей меж человеком и автором, сердцевинкой и репутацией. Двухтомник прекрасного поэта Давида Самойлова «Поденные записи» (М., «Время», 2002) наконец соединил все его дневниковое наследие, а оно долгое. Первая запись — 1934 года (автору — 14), последняя сделана в феврале 90-го, накануне кончины. Самойлов сразу осознал дневник как документ: «Мой дневник явится со временем и довольно интересным с исторической стороны произведением» (1935). Первые вехи — довоенная Москва, школа с зубрежкой и учком, пробы пера, череда влюбленностей, чтение взахлеб. Колорит времени, окрашенного энтузиазмом и слепой верой в фальшивую утопию, встает с этих страниц без правки постфактум. Вот подросток отнес стихотворение «Чапаев» в «Пионерскую правду». Вот его премировали брюками за активную общественную работу и ударную учебу. Вот запись: «Перед лицом Великого я вступаю в комсомол». Террор не мерцает даже фоном. С интеллигенцией бывает. В войну молодой ифлиец входит, стремительно взрослея: «Для нас осталась единственная романтика — победить». Записи «свинцовых, пороховых» — меж по-

Давид Самойлов
читает стихи

эзией и прозой. Автор слушает солдатские разговоры, всматривается в народный нрав, погружается в фольклор. И даже роняет: «Думаю о романе». Есть среди этих заметок и прощательные. «Скоро ли после этой войны любовь к России сможет выражаться по-щедрински? Вероятно, законная гордость победителей и вызывает, и обратится в бахвальство, и невежество задерет нос...» (1944) Сатира и впрямь покинула русскую литературу советского разлива, причина чему — не только «гордость по-

бедителей», но и феномен имперского страха, который Самойловым при самоанализе недооценивался.

С 1946 года — Литинститут. Яркие портреты поэтов-сверстников: красавец Гудзенко, неуклюже неистовый Мандель (Коржавин), в свою очередь прозванный Межирова «буйством грозы в коридоре», гениальный небывалист Глазков. Сквозь всю жизнь — любовь-вражда со Слуцким. Вообще в этих дневниках Моцарт постоянно борется с Сальери Зоиловичем Фобо-

вым (цитата из самого Д.С.). Что делать: се человек (да еще поэт)! Самойлов не больно уважал свою среду — «мыслящую элиту», зачастую и плебейски высокомерную, и приспособленческую, и банальную. Однако ехидство предпочитал прятать в недрах дневника. Напротив, не идеализируя «контору либеральных идей» (самойловский же синоним: «диссиденты-тактики»), он оставался ее завсегдатаем и кумиром: «Я чуть не первый поэт среди московских «интеллектуэлей». За это мне еще воздастся». Достоевщина: в стихах возжигать либеральную романтику (обожаемое средой «Пестель, поэт и Анна»), а про себя не без презрения ее шаржировать, искося приглядываясь к родственным фигурам из антагонистов: «Солженицын неминуемо должен породить новый тип писателя: властитель хамских дум, божьей милостью хам. Поэт Ю. Кузнецов — первая ласточка. Хамы милостью божьей». Клановость Самойлов изнутри приперчивал остро-чужими специями — и касте эта легкая игра без выхода за рамки импонировала больше, нежели угрюмо одинокая, нежманная муза Слуцкого.

Любопытная запись 1974 года, после исключения Л.К. Чуковской из Союза писателей: «Каждый раз

вопрос: правильно ли выбрана линия? Не пора ли возопить? Не хочется быть ни с теми, ни с другими». Не хочется, но получается! В «Поденных записях» явлен избыток официозной суеты («субординационное честолюбие». — Д.С.). Дневниковая хроника выдает в пушкинианце прижившуюся совзакваску: он и на похоронах всегда отметит, по какому р а н г у провожают коллегу. Заседания, премии, ссуды, съезды. «Все это — упоминания в статьях, интервью, прочая мелочь — знаки существования». Да, вечных знаков бытия порою и эгегистам не хватает, тогда витальность подзаряжается снизу. Еще мы узнаем тайны ремесла, еще вместе с автором вспышкой перечитаем важные книги. Самойлов умел сжимать фразу до открытия: «Медленно читаю «Живаго». Как надо любить и уважать героя, чтобы отдать ему лучшие свои стихи». Будоражит мысль рассыпать афоризмов. «Самое утверждаются всегда на чужих костях». «Человек, несколько раз меняющий взгляды, переменит их еще раз или два». И наконец — «Внутренней свободы можно добиться, осуществляясь в несвободе». Последний тезис сомнителен, но вынужденная задача была дерзновенной.

Татьяна БЕК

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ

-2002-10-01, с.26